

ОЗВЕРЕНИЕ

Рассказ

«Четыре лапы ступают во след»
Редьярд Киплинг

По мнению швейцарского ученого Маттейя, домашняя собака происходит не от шакала, как утверждалось ранее, а все-таки от волка. В клетках организма шакала содержится по 74 хромосомы, тогда как и у волка, и у собаки их 78.

В ту пору, когда орды первобытных людей бродили по земле, кормясь охотой, не исключено, что за этими охотниками следовали стаи волков, подбирая остатки с отнюдь не вегетарианского «стола» наших древних предков, а со временем, заинтересованные в том, чтобы охота человека была более удачной, стали помогать ему в этом. Обладая тончайшим чутьем, начали выслеживать зверя, нагонять его на охотников, даже помогать в убийстве. Такой «скрепленный кровью» союз человека и волка — двух чуть ли не самых кровожадных в природе хищников — постепенно привел к отношениям взаимопомощи, а потом и к дружбе.

Да, волк, постепенно превратившийся в собаку, стал для человека «четвероногим другом», а не просто домашним животным, как, например, корова, овца или свинья.

Человек и собака заключили бессрочный договор, и хотя в отношении к человеку собака всегда была подчиненной, все равно не рабой, а скорее «меньшим братом».

Австрийский ученый Конрад Лоренц видел истоки этого добровольного подчинения в самой стадной психологии волка-собаки. Он считал, что постепенно с течением столетий в «лучших собачьих семьях» стало традицией выбирать в качестве вожака стаи не собаку, а... человека, вождя, отца семейства. Привязанность, верность, любовь собаки к своему хозяину нередко перерастает в страсть.

В какой-то период, с переходом человека к оседлой жизни, своеобразное это «приручение» волков тоже прекратилось. Произошло разделение: волк остался диким в дикой же природе, собака прижилась к человеку. И нет теперь для волка более ненавистного на земле существа, чем его дальние сородичи — собаки. Так же, как и для собаки нет страшнее и опаснее врага, чем волк. И волк ненавидит собаку даже сильнее, чем своего извечного врага — человека...

I

Белка была из породы сибирских лаек — длинноногая, подбористая, шерсть пушистая, хвост калачом.

И при этом — выразительная и симпатичная мордашка: уши топориком, глаза длинно вытянуты к вискам и чуть с косинкою — как у северных девушек-красавиц.

Прямо одно загляденье, а не собака! Но главное — веселый нрав, сообразительность и бьющая через край энергия. Выведут на улицу погулять — у Белки заходится дух от буйной радости, она рвется с поводка, каждой жилкой, каждой кровинкой желая свободы. Но какая на городской улице свобода? Серые дома, серый снег в кучах сбоку тротуаров, только солнышко весеннее будто гладит пушистую шерсть ласковыми лучами, и в этих лучах даже грязные, мазутные лужи празднично сияют всеми цветами радуги.

Поначалу, бывая на улице, Белка шибко завидовала бездомным собакам. Бегают себе на свободе, роются на помойках, грызутся между собой — вольная волюшка! Когда Белку спускали с поводка, она так прямо и кидалась к ним с залиvistым дружелюбным лаем, готовая на любые собачьи игры и проделки. Но Хозяйка всякий раз сдерживала ее пыл строгим окриком:

— Назад! Еще заразы ты не подцепила от этих шатых!

Со временем Белка и сама стала чують разницу между собой и шатохами, как называла бродячих собак Хозяйка. И выходило, что не такая уж сладкая была их воля. Все они были худые и вечно голодные, никогда не мытые, с опаршивевшей, скатавшейся колтунами шерстью, избитые и искусанные, и даже в повадках их было что-то рабское, унижительное, — словно бы они были виноваты перед всеми только за то, что незаконно родились на белый свет, и вот живут без хозяина и дома, гонимые и всеми презираемые.

В стае, которая часто посещала помойки того дома, где жила Белка, особенно выделялся огромный пес породы русских овчарок. Был он стар и настолько худ, что наполовину облезлая шкура не могла прикрыть ребра. Но выделялся он не только этим, а своими страшными увечьями. У кобеля когда-то была перебита правая передняя нога, она плохо срослась и стала короче, так что при ходьбе он словно бы кивал огромной головою, словно бы отвешивал земные поклоны. Левый глаз был выбит, оба уха измочалены в драках, да и на всей шкуре живого места не найти: старые шрамы, свежие струпья, вонючие гнойники...

Да, постепенно Белка осознала правоту своей Хозяйки, которая с брезгливым презрением относилась к шатохам, и у нее тоже зародилось некое высокомерие, настолько сильное, что она даже усвоила ее привычки и манеры.

Однажды они с Хозяйкой вышли на вечернюю прогулку. Как всегда, Хозяйка спустила собаку с поводка на короткое время, а сама отвлеклась, разговорившись с соседкой. Обрадованная Белка шмыгнула за угол дома, и тут столкнулась носом к носу с большущим рыжим кобелем — вожаком знакомой стаи шатых. Стая мгновенно окружила Белку, несколько собак с какой-то неистовой злобою кинулись на нее. Она еще не понимала, что такое страх и стала отбиваться, огрызаясь и волчком крутясь на месте, но когда навалилась вся стая и ревущим клубком покатила по грязным лужам, Белку обуял смертельный ужас, и неизвестно, чем бы все кончилось, если бы во время не подросла Хозяйка...

С тех пор вместе с брезгливостью к этим грязным и злым существам, в ней поселилась боязнь.

За мокрой, безалаберно-веселой весной тем временем прикатило жаркое и сухое лето с вонючими и плавкими асфальтовыми дорожками, на которых легче найти, к примеру, хозяина по отпечатку его подошвы, чем учуять по запаху. Летом собакам в городе вообще тяжело: теплую шубу не снимешь, выкупаться нигде, а, главное, из-за множества резких и устойчивых запахов, из-за отвратительно щекочущего ноздри тополиного пуха напрочь теряется чутье. А собака без чутья — хуже, чем слепая или глухая...

Но всему свой черед, и вот наступила осень — с желанной прохладою, с грохочущими по дорожкам сквера сухими листьями тополей, с продувными ветрами, которые приносили в город из неведомых краев тревожные, необъяснимо-зовущие к себе запахи степных просторов, лесов и болот, — вязкие, сладко сосущие сердце запахи!

Жить бы да радоваться, но тут Белка стала все чаще чуять приближение беды. Тревога исходила от Хозяйки, большой и сердитой бабы, которая и никогда-то не была с Белкой ласковой, а к осени совсем как сдурела: бесперечь орала на собаку, кормить стала худо, на прогулки водить ленилась, а то и пускала в ход свои толстые и тяжелые ноги: поддавала Белке под брюхо пинком, толкала в бок острым каблуком туфли.

Белка догадывалась, когда речь заходила о ней: кое-какие относящиеся к ней слова она запоминала навсегда, и уж конечно настораживалась, когда в разговоре упоминалось ее имя. А хороший для нее или плохой был этот разговор, она интуитивно чувствовала по тону голосов, по жестам говорящих, по выражениям их лиц, даже по глазам.

А этой осенью и вовсе стали говорить о Белке только плохо. По вечерам, когда хозяин возвращался с работы и садился ужинать, Хозяйка пристраивалась напротив и начинала тихо и по-кошачьи вкрадчиво, словно бы мурлыкать:

— Ты только посмотри, Коля, какие бывают породы, — Хозяйка шелестела страницами книжки и совала ее под нос Хозяину. — Посмотри: это пойнтер, шерстка, как шелк, даже на картинке видно. Не то, что у нашей Белки — чесать станешь, не раздерешь лохмы, аж гребни летят...

— Как у тебя, — хмыкал Хозяин, отворачиваясь от книжки.

— Да ты только погляди, — еще ласковее мурлыкала Хозяйка. — Эта вот собачища называется дог. А эта — боксер. Хи-хи, при чем тут боксер? Ну, да ладно. А это — такса... Нет, такую я не хочу, шибко на крокодила походит...

— Ты никакую не хочешь, — сердито говорил Хозяин. — Есть вон Белка — и хватит.

— Возьми ты ее себе! — взрывалась хозяйка. — Беспородная тварь! С ней на улицу стыдно выйти! На таких на севере в собачьих упряжках ездят, а тут ее, принцессу, по городу прогуливай! У людей — собаки как собаки... Вон, у Гетманенков — сеттер-гондон!

— Сеттер-гордон, дура, — поправлял Хозяин.

— Это... кто?! Это я дура?! — захлебывалась в истошном визге Хозяйка, а Белка при этом, поджав хвост, убегала из кухни. — Кооператор несчастный!